

¹⁸ Уильямс (Williams) Реймонд (Генри) (1921–1988) // Культурология. XX век. Энциклопедия. URL: <http://5-ka.ru/cult/511.html>

¹⁹ См., напр.: *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910; *Пивоваров Ю. Л.* Современная урбанизация. М., 1976; *Вишневский А. Г.* Экономические проблемы развития форм городского расселения // Проблемы современной урбанизации. М., 1972; Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. М., 2000. С. 76–88.

²⁰ *Капшина М.* Средневековые города: обзор. URL: file://localhost/Капшина%20Марья.%20Средневековые%20города_%20обзор.mht

²¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. М., 1937. С. 123.

²² Административно-территориальное деление Российской империи // Интернет-портал «Российская империя». URL: <http://www.rusempire.ru/administrativno-territorialnoe-delenie/administrativno-territorialnoe-delenie-rossiyskoy-imperii.html>

²³ Административно-территориальное деление Российской империи...

²⁴ Учреждения для управления губерний Всероссийския империи. 1775 г., ноября 7 // Российский общеобразовательный портал. URL: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=12797&cat_ob_no

²⁵ Административно-территориальное деление российской империи...

²⁶ Грамота на права и выгоды городам Российской Империи // Российский общеобразовательный портал. URL: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=12798&cat_ob_no

²⁷ Грамота на права и выгоды городам Российской Империи...

²⁸ *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. С. 46–47

²⁹ *Белавин А.* Как и когда возник город Пермь // Интернет-портал «Пермь – столица Урала». URL: <http://perm.ho.ua/>

³⁰ Пермская губерния. Список населенных мест по сведениям 1869 г. СПб, 1874. С. 1–6.

Е. Ю. Казакова-Апкаримова

РОССИЯ В XIX В.: ПЕРЕХОД ОТ СОСЛОВНОГО ОБЩЕСТВА К ГРАЖДАНСКОМУ*

Проблема формирования гражданского общества тесно связана с проблемой переходности. Многие современные исследователи справедливо подчеркивают, что процесс становления гражданского общества во всех странах был непосредственно связан с процессом перехода традиционных феодальных обществ в индустриальную фазу развития. Например, З. Т. Голенкова, В. В. Витюк, Ю. В. Гридчин, А. И. Черных, Л. М. Романченко утверждают: «Именно индустриализация вызывала колоссальные

* Работа выполнена по государственному контракту 02.740.11.0348 шифр 2009-1.1.-301-072 по теме «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных эпох».

изменения в социальной структуре общества, а, следовательно, привела к ломке социальной психологии и образа жизни многих миллионов людей. Она изменила соотношение городского и сельского населения, способствовала созданию не только рынка товаров и услуг, но и рынка труда, повысила статус науки и образования. Новые общественные условия повлекли за собой трансформацию политической организации общества и многих других условий жизни и быта. Словом, процесс индустриализации принципиально, хотя и опосредованно определял процесс формирования экономических, политических и социальных субъектов гражданского общества, определял остроту и конфликтность ломки традиционного и формирования нового общества и его гражданских и политических институтов»¹. В теоретико-концептуальных моделях модернизации и постсовременности (А. Турен, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, З. Бауман) гражданское общество определяется либо как общество, приходящее на смену традиционному общественному укладу, либо как общество, вырастающее из современного состояния и несущее на себе все его черты. В обоих случаях речь идет об исторических стадиях существования и развития гражданского общества.

Проблема переходности требует обращения к отдельным субпроцессам модернизации в контексте исследования генезиса гражданского общества, в частности, к урбанизации (переходу от аграрного общества к городскому). Известный зарубежный исследователь Джон Кин подчеркнул тесную историческую взаимосвязь генезиса гражданского общества с урбанизацией, о чем свидетельствует и лингвистический феномен. Институты гражданского общества возникают в городах. Гражданское общество — это общество горожан (гражданин — это горожанин, *civis*). В городах исторически формировались институты управления, города отстаивали свои свободы.

Джон Кин использует термин «городское гражданское общество», вместе с тем подчеркивая, что «волнообразное» влияние городов значительно шире и распространяется на его окрестности, достигая национального масштаба и превосходя его. Исследователь аргументирует свои убеждения примерами из истории европейских городов, в частности, Берлина. В понимании Д. Кина гражданское общество представляется «мозаикой индивидумов, классов, групп и институтов, взаимодействие которых регулируется законом, но не зависит прямо от самого политического государства»². В ряде исследований (например, в работах Ю. Павленко) подчеркивается, что использование концепции гражданского общества позволяет анализировать переход от авторитарной системы к демократической. В социальном плане формирование гражданского общества предполагает переход от сословного строя к современным формам социальной органи-

зации и идентичности. В социально-историческом смысле, если суммировать наработки в отечественной и особенно зарубежной историографии, можно видеть, что термин «гражданское общество» включает набор ценностно-идейных требований переходных эпох, когда человечество на заре нового времени начинает освобождаться от сословных делений или тех или иных форм несвободы (например, от крепостного права или иных форм угнетения, диктатуры и произвола).

Перенос на Россию концепции гражданского общества в контексте модернизационной парадигмы и теории переходности позволяет видеть, что только со второй половины XIX в. можно видеть заметные изменения фактически по всем рассматриваемым критериям. В этот период «динамичной модернизации» или точнее раннеиндустриальной модернизации (в терминологии В. В. Алексеева и И. В. Побережникова) заметно эволюционировала сама имперская модель модернизации, которой были присущи черты европеизации, главенствующая роль государства и бюрократии в осуществлении модернизационного перехода, но, вместе с тем, все заметнее становилась роль общественных элементов в процессе модернизации³. А. С. Сеньевский отмечает, что промышленная революция, комплекс социально-экономических и политических преобразований 1860–1870-х гг. положили начало второму периоду в российской урбанизации. Именно тогда был дан толчок тому процессу, который и можно назвать «урбанизационным переходом» или «переходом к городскому обществу», когда город начинал играть определяющую и доминирующую роль.

Отмена крепостного права стала началом нового этапа в истории России, особого переходного периода от сословного к гражданскому обществу (со всеми традиционными оговорками о феодальных пережитках, примате государства над обществом и т.д.). По мнению крупного специалиста по истории эпохи Александра И. Л. Г. Захаровой, Великие реформы открывали путь для создания гражданского общества в России, хотя сами реформаторы не пользовались термином «гражданское общество»⁴. Это был переходный период и с точки зрения постепенной смены или нивелирования сословной парадигмы взаимоотношений в обществе новыми социальными связями и классовыми отношениями. Но даже в конце XIX в. новая классовая структура накладывалась на сословную, что соответствовало стадии перехода от аграрного общества к индустриальному⁵.

Преобразования Александра II привнесли значительные изменения в общественную жизнь, расширились гражданские права подданных — было ликвидировано крепостное право, отменены телесные наказания, введена всеобщая воинская повинность, усовершенствовалась система судопроизводства. Крестьянская реформа способствовала притоку населения в города. В городах вводилось общественное самоуправление на началах

Городового положения. Росту гражданского самосознания способствовало развитие системы образования. Эпоха Великих реформ в России рассматривается исследователями как важный шаг к правовому государству и гражданскому обществу. Российская действительность была далека от их идеалов, но эволюция в этом направлении вполне позволяет мыслить ученым этими историческими категориями.

Известный специалист по истории России второй половины XIX – начала XX в. В. Г. Чернуха пишет: «...эпоха “великих реформ”, решая многочисленные вопросы модернизации своей военной, экономической, социальной системы, объективно отчасти решала и проблему создания правового государства». В этот период меняются взаимоотношения власти и общества: «Российская власть все более сталкивается с тем фактом, что часть подданных перешла в категорию граждан и что с этой частью населения следует считаться, давая ей некоторую информацию, пояснение своих действий, раздавая обещания, переходить от монолога к диалогу»⁶. Исследователи определяют этот период как переходный. В. Г. Чернуха описывала его сущность с точки зрения взаимоотношений власти и общества: «Эпохой реформ начался переходный период существования российской власти и российского общества, как оказалось, переходный к революционным потрясениям. Переходному периоду соответствует двойственность статуса: юридически сохраняющее все prerogatives самодержавие, прежнее полицейское государство и реально отвоєванные обществом у власти уступки, но именно эта двойственность и объясняет политику власти постреформенного времени, которая позволяла власти в зависимости от оценки ею степени напряженности момента либо педалировать методы прежнего полицейского государства, либо отступать и уступать, вспоминая о правовом государстве»⁷. Понимая под гражданским обществом особую внесударственную (общественную) сферу социума, занимающую промежуточное звено между государством и личностью, можно использовать концепцию гражданского общества для анализа российской исторической реальности XIX в.

В ходе трансформации традиционного общества в общество индустриальное в России наблюдалось формирование новых гражданских отношений. В России сословные отношения не только предшествовали гражданским, но и создавали некоторые предпосылки для их формирования. Анализируя закономерности и особенности процесса превращения традиционного сословного общества в России в современное гражданское, этот исторический опыт вполне сопоставим с аналогичным европейским опытом. Западный опыт формирования исторических моделей гражданского общества и их теоретического обоснования значительно дифференцировался.

3. Т. Голенкова полагает, что исторические концепции и практические модели гражданского общества возникали на основе идей и опыта, укорененных в трех различных традициях: 1) Один из корней уходит вглубь европейской средиземноморской традиции с первыми зародышами гражданского общества в итальянских городах-республиках времен Ренессанса (традиция, выраженная Макиавелли, формулирующего три важнейшие ценности гражданского общества: мир и безопасность граждан; наслаждение своим имуществом и богатством; право каждого иметь и отстаивать свои убеждения); 2) Другой исторический корень связан с континентально-европейской традицией, формировавшейся под влиянием немецкого культурного круга (появлению свободного гражданина во многом способствовала гильдия как одна из первых форм объединения ремесленников, торговцев; первая форма ассоциаций, защищавших их и оказывавших влияние на процесс управления городами); 3) Третий исторический корень, наиболее значимый – это либеральная англо-американская традиция (Дж. Локк, отстаивавший собственность на основе естественного права и свободу; А. Смит, подчеркивавший модернизацию и саморегуляцию как необходимые компоненты гражданского общества; Т. Пейн с концепцией минимального государства, подразумевающего самостоятельное гражданское общество и весьма ограниченную роль государства; А. Токвиль, анализирующий демократию в Америке; Д. С. Милль, очертивший образец отношения государства и гражданского общества, не зависящего от него)⁸.

Что касается России, то известный историк Б. Н. Мironov полагает, например, что «о зарождении гражданского общества вместе с интеллигенцией и общественным мнением, независимым от официальной точки зрения, которое официальные власти признавали и учитывали, можно говорить не ранее последней трети XVIII в.»⁹. По мнению Б. Н. Мironova, в состав общества первоначально входило все дворянство, духовенство и верхи торгово-промышленного населения¹⁰. Оно было корпоративным, но со временем в нем все больше стирались межсословные отличия и общество «превращалось в организм буржуазного типа»¹¹. Фактически исследователь высказывает мысль, что с формированием сословий в XVIII в. начинается и история гражданского общества в России. Спектр мнений о времени оформления сословий и генезисе гражданского общества в России довольно широкий.

Н. А. Иванова и В. П. Желтова полагают, что процесс складывания городских сословий охватил XVIII и первую треть XIX в.¹². К сожалению, исследователи не ставят проблему соотношения этого процесса с вопросом о генезисе гражданского общества в России и как эти процессы выглядят в сравнении с европейским опытом. Между тем, еще представите-

ли «государственной школы» подчеркивали, что российские сословия развивались в значительной степени по-другому, чем их аналоги на Западе. Возникли они значительно позже (не ранее XVIII века, когда сословия в Западной Европе уже распадались), представляли собой сознательно установленный всемогущим государством социальный порядок¹³. Российские сословия являлись порождением «абсолютистского государства», им недоставало корпоративной жизнеспособности (по сравнению с европейскими). Этот тезис перекликается с тезисом о слабости гражданского общества в имперской России. По убеждению Грегори Л. Фриза вызревание сословной парадигмы пришлось на первую половину XIX в., сословную парадигму исследователь противопоставляет современным формам социальной организации и идентичности, подчеркивая ее значение и во второй половине XIX в. По мнению этого зарубежного исследователя «современное понимание термина «сословие» возникло только в начале XIX века, что сословная система была динамичной и продолжала активно развиваться (а не распадаться) в XIX столетии. Представляется важным следующее замечание исследователя – по мере вызревания сословий термин «собрание» начинает в конце XVIII в. приобретать дополнительный оттенок и начинает обозначать не только «собрание» в узком смысле, но и «организованное общество» или «общину»; в течение нескольких последующих десятилетий понятие «общества» стало более широким, слово «сословие» приобрело дополнительное значение: «официальная общественная организация с четко установленным членством». Грегори Л. Фриз пишет: «Это дополнительное значение привело к резкому изменению семантики этого слова в первом десятилетии XIX века, когда стало обозначать «правительственный орган» и «корпоративную группу, наделенную юридическими правами». Русское слово сословие сочетало этимологические идеи «государственного института» и «общественной группы»¹⁴.

Н. А. Иванова и В. П. Желтова называют всю ключевые признаки сословия, опираясь на литературу: законодательное закрепление социальных функций, то есть занятий, сословных обязанностей и прав; передача их по наследству; наличие сословных корпоративных организаций, осуществлявших сословное общественное управление; участие сословий в местном сословном и государственном управлении¹⁵. Ссылаясь на мнение известного правоведа Н. М. Коркунова, который подчеркивал, что термин «сословие» ведет свое начало от понятия «корпорация»²⁹ (от латинского *corporation* – «объединение») и оценки современных исследователей, Н. А. Иванова и В. П. Желтова видят в сословиях сочетание государственного института, общественного, корпоративного начала, а деятельность сословных корпораций считают одним из главных показателей степени зрелости сословного общества¹⁶.

Очевидно, что формирование гражданственности является результатом взаимодействия государства и гражданского общества. Признавая значение сословных самоуправляющихся корпораций как начальной школы гражданственности (гражданской культуры), приходится отмечать, что объединяющей силой для самых многочисленных сословий были не права и привилегии, а обязанности перед государством (податной статус), что накладывало отпечаток на гражданский этос. Важно указать и на межсословную мобильность, присущую российским подданным, и на дисбаланс между сословными правами и функциями и их реализацией (ярким примером является сословие мещан). На определенном этапе (конец XVIII – первая половина XIX в.) городские сословные корпорации и построенные на сословном принципе органы городского самоуправления сыграли свою прогрессивную роль. В ходе российской модернизации в результате реформаторской политики правительства в 60–70-е гг. XIX в. происходило формирование новых социальных слоев и элементов гражданского общества. Тот же Грегори Л. Фриз отмечает, что Великие реформы способствовали появлению широкого спектра социальных, административных и культурных институтов. Большинству из них были присущи принципы всесословности (люди всех состояний могли участвовать в них), гласности (публичности, т.е. общественного участия в планировании и реализации реформы) и отчетливая готовность следовать западным моделям. Более того – как пишет зарубежный специалист, «большинство реформ стремились передать власть – и ответственность – от государства к обществу или конкретным социальным группам». Зная, что государству не хватало способности или даже финансовых средств для модернизации, реформаторы пытались высвободить собственные живые силы общества и создавать структуры (от земства до приходских советов), где местная инициатива могла бы субсидировать развитие»¹⁷.

Описывая российское общество преимущественно с позиции сословной парадигмы Грегори Л. Фриз отмечает увеличение в пореформенное время «полупривилегированной страты, состоящей из представителей новых профессий», численность которых, статус и самосознание оформились в последующие десятилетия после 1855 г. «Многие из них обнаруживали существенно расширенные возможности для занятости не только на государственной службе и частном секторе, но также в новых органах местного самоуправления – земстве и городском самоуправлении, которые являлись главными работодателями для учителей, докторов, статистиков, агрономов и тому подобных профессий». К 1880-м годам, например, земство наняло около 23000 «беловоротничковых» профессионалов, включая, 15000 учителей, 1300 докторов и 5000 фельдшеров. Некоторые,

более заметны юристы и медики, поднимали свой корпоративный юридический статус путем создания профессиональных организаций, с правом не только регулировать, но и репрезентировать их профессию. По мере роста численности, важности и организованности новая профессиональная интеллигенция быстро становилась главной силой в российском обществе и политике. Она сыграла центральную роль в либеральном движении с 1890-х гг.¹⁸.

Еще более важным был процесс появления женщин-профессионалов (например, в сфере образования или медицины). Последствием этого процесса стала оппозиция обществу и режиму, которые все еще исключали женщин из университетов и сопротивлялись усовершенствованию их гражданских прав¹⁹. Критикуя данное Б. Н. Мироновым определение общест-венности, относящее к ней цензовые слои общества (дворянство, духовенство, верхи торгово-промышленного населения), Н. А. Невоструев обращает внимание на то, что «в этом случае за рамками исследования остался довольно влиятельный и многочисленный слой земских служащих. Из гражданской жизни выпало женское движение и его организации»²⁰. Между тем, и другие исследователи (например, А. Линденмейер) справедливо подчеркивает, подкрепляя свои положения историческими фактами, что с ростом урбанизации, отменой крепостного права, ускорением экономического развития расширялась социальная база гражданского общества, в нее все активнее включались образованные женщины, которые занимались благотворительностью и иными видами общественной деятельности, участвуя в создании и работе общественных организаций²¹.

Во второй половине XIX в. наблюдались: интеграция общественных элементов в систему управления (показательна популярность общественной теории в понимании природы городского самоуправления), возникновение общественных организаций как организаций нового типа, которые приходили на смену традиционным институтам сословного типа, происходило формирование сферы гражданской деятельности, как особого пространства между индивидом и государством.

Процесс ослабления значения сословных корпораций отчетливо виден на примере купеческих обществ. Б. Н. Миронов и М. К. Шацилло считают, что исторические источники второй половины XIX в. свидетельствуют о разложении сословия, ибо во многих городах сословных организаций купцов не оказалось. Н. А. Иванова и В. П. Желтова полагают, что точнее говорить не о разложении, сколько о слабом развитии купеческого сословия в условиях сравнительно незначительной городской жизни и торгово-промышленной деятельности²². Уральские материалы свидетельствуют о том, что даже в более значительных торгово-промышленных городах роль купеческий корпорации в общественной

жизни со временем уменьшалась. В конце XIX – начале XX в. купеческие общества существовали лишь в некоторых уральских (главным образом в губернских) городах: в Вятке, Перми, Ирбите, Оренбурге и Уфе. Эти общества были немногочисленными. Например, в Пермском купеческом обществе насчитывалось 97 муж. и 12 жен., в Ирбитском – 82 муж. и 107 жен., в Оренбургском – 383 муж. и 382 жен., а в Уфимском – 262 муж. и 236 жен.²³. В других уральских городах (даже в таком торгово-промышленном городе, как Екатеринбург) к началу XX в. купеческие общества фактически прекратили свое существование. На страницах «Екатеринбургской газеты» современник писал о Екатеринбургском купеческом обществе: «В нашем городе имеется интересное общество, о существовании которого многие не знают ...это купеческое общество за все время своего существования, кажется, ограничилось только единственным постановлением, а именно об отчислении в пользу торговой школы по шести рублей с каждого промыслового свидетельства I и II-го разрядов, выправленных в городской управе»²⁴. Купеческие общества эволюционировали как традиционные социальные институты, все больше подвергаясь факторам, препятствовавшим складыванию крепкой общины в рамках купеческого общества: сказывалась постоянная изменчивость их состава, подвижность образа жизни купцов, отмена для купечества коллективной ответственности и вообще дисциплинарной власти общества над его членами, индивидуальный характер деятельности каждого купца²⁵. Приведенный Н. А. Ивановой и В. П. Желтой единичный пример архивного дела «Об образовании в г. Екатеринославе сословного купеческого управления», относящееся к концу 1899 – началу 1900 г. убеждает в необходимости углубления региональных исследований в этом направлении, но не меняет общей картины угасания купеческих корпораций в конце XIX в.

Ремесленные общества на Урале в конце XIX – начале XX в. существовали лишь в 6 городах. История даже наиболее крупных и долгоживущих ремесленных обществ закончилась в начале XX в. Ремесленные управы были упразднены. Однако необходимость в интеграции и экономической взаимопомощи ремесленников способствовали созданию иных социальных институтов с сообразными функциями. Например, в Перми открылось и успешно действовало в самом начале XX в. ремесленное судо-сберегательное товарищество, в котором насчитывалось 250 человек. Это товарищество стало преемницей Пермской ремесленной корпорации, унаследовав скромное имущество. В 1906 г. совет этого общества включил в повестку общего собрания товарищества вопрос о дальнейшей судьбе библиотеки, переданной товариществу бывшей ремесленной управой в числе ее другого движимого имущества, предлагая продать

библиотеку наряду со старыми управскими книгами, делами и иным имуществом²⁶.

В конце XIX – начале XX в. в ходе социальной дифференциации и профессионализации в уральских городах стали появляться общественные организации профессионального типа, которые заняли свою особую нишу в процессе формирования сферы гражданской деятельности в российской периферии. Например, в Екатеринбурге открылись общество взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников, общество взаимного вспоможения русско-православных торговцев в г.Екатеринбурге, профессиональное общество служащих в торговых и торгово-промышленных предприятиях г.Екатеринбурга²⁷.

Примечательна специфическая черта российской модернизации и процесса формирования элементов гражданского общества, связанная с инициативами самого государства, которое на начальном этапе пробуждало общественность, а в дальнейшем контролировало, регламентировало и даже ограничивало ее деятельность и соответствующие общественные структуры. Патерналистская модель взаимоотношений государства и гражданского общества в России сохранялась на протяжении всего XIX в. Показательна дуалистичная природа сословных самоуправляющихся корпораций и общегородского общественного самоуправления, которые были инкорпорированы в общую систему государственного управленческого аппарата, будучи проводниками политики центральной и губернской власти, а с другой стороны отстаивали интересы горожан, выполняя многие функции и решали социальные задачи не по указке государственной власти, а по собственной инициативе. И все же, если городским сословным корпорациям и их органам самоуправления в большей степени были присущи признаки пассивной гражданской культуры, то функционирование общегородского общественного самоуправления и добровольных общественных организаций нового типа было символом пробуждения нового гражданского этоса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голенкова З. Т, Витюк В. В., Гридчин Ю. В., Черных А. И., Романченко Л. М. Становление гражданского общества: стратификация // Социс. 1995. № 6. С. 20.

² Civil society: Berlin Perspectives, Oxford / New York, Berghahn Books, 2006, P. 1–39.

³ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 50–72.

⁴ Захарова Л. Г. Великие реформы в России // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167.

⁵ См. подробнее монографию: Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004; рецензию Петрова Ю. А. на: Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая струк-

тура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. // Отечественная история. 2006. №1. С.190–193.

⁶ Чернуха В. Г. Эпоха «великих реформ» – шаг на пути от полицейского к правовому государству // Гражданогенез в России. Кн.1. Брянск, 2009. С.65, 75.

⁷ Чернуха В. Г. Эпоха «великих реформ» – шаг на пути от полицейского к правовому государству. С.83–84.

⁸ Голенкова З. Т. Гражданское общество в России. Теория. Методология // Социс. 1997. № 3. С. 26–27.

⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 262.

¹⁰ Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М, 2003. С. 492–493.

¹¹ Там же. С. 496.

¹² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. М, 2010. С. 329.

¹³ Фриз Г. Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская рустика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000. С. 122.

¹⁴ Фриз Г. Л. Сословная парадигма и социальная история России... С. 125, 131, 133.

¹⁵ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. М, 2010. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Freeze G. Reform and Counter Reform 1855–1890 // Russia a history. Oxford, 2009. P. 212–213.

¹⁸ Freeze G. Reform and Counter Reform 1855–1890... P. 211.

¹⁹ Ibid. P. 222–223.

²⁰ Невоструев Н. А. Образование и развитие элементов гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX вв. Автореферат дисс. ...докт. ист. наук. Ижевск, 2006. С. 6.

²¹ Lindentmeyr A. Poverty is not a vice. Princeton, New Jersey, 1996. P. 123.

²² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи. М, 2010. С. 431–492.

²³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 178. Л. 34, 38, 58.

²⁴ Екатеринбургская газета. № 16. 1906. 24 марта. С. 3.

²⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т.1. СПб., 1999. С. 492–497.

²⁶ Отчет Пермского ремесленного судо-сберегательного товарищества. За 1906 год. Пермь, 1907. С. 3–9.

²⁷ См. подробнее: Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2008.